
Верни его мне, Господи, живого,
Он каждое в моих молитвах слово,
Немеркнуше горящая свеча
На узком подоконнике из хвои,
Где до войны сидели обок двое
И дозревала лама-алыча,

С изогнутой сорвавшаяся ветки
На крышу металлической беседки,
Стропила — виноградная лоза —
Дворовость оживляющие кисти,
А мир вокруг, по-августовски чистый, —
То звон колоколов, а то азан

С высоких многогранных минаретов,
Лиловой предзакатностью прогретых,
Короны и стволы раскалены,
И я дышу не воздухом — надеждой,
Что скоро из-за острова на стрежень
Ты выплывешь из давешней войны.

И хорошо, раздумно все да ладно,
Молюсь и повторяюсь троекратно,
Срываю голос внутренний, хриплю,
Верни его мне, Господи, живого,
И я проговорю три божьих слова,
Три главных слова — «Я Тебя Люблю»...

ей года три, ранимая девчушка,
и всякое константное ей чуждо,
капризная больная сирота,
играет сплошь в мальчишеские игры —
горелки, вышибалы или шифры,
все знает заповедные места

в своих географических пределах,
не носит однотонных платьев белых —
все в ряби, перепачканы золой,
считает лепестки, но не цветочки,
ребенок-волк, ребенок-одиночка,
на вид всего четырнадцать кило

[как следует из принятых стандартов],
трехлетка, изучающая карту,
детальные малюет чертежи,
и стрелки, точно стрелы из графита,
несутся по продуманным орбитам —
укрепы, располага, блиндажи

и прочие тактические зоны,
ребенок, голодающий и сонный,
читает свое имя по слогам,
и чудится церковная молитва,
девчушка — неоконченная битва,
«вой-на» — два слога, но три года как...

вечер на исходе ноября,
серый снег на глинистой дороге,
по-солдатски выстроены в ряд
церковка, мечеть и синагога,
и у каждой паства службы ждет
или чуда божьего — тут ближе
до него как будто или от
смерти, внесезонно ярко-рыжей.
долги ожидания часы,
и ведутся светские беседы,
— за кого молиться будешь?
— сын
на войне. сказал, что до победы,
что вернется к маю аккурат
с остальными братьями по фронту,
их во взводе двадцать пять солдат
из Дербента, Крыма и Томмота,
и они как братья, только Бог
кем-то называется иначе,
каждый день и каждый новый бой
принимают вместе, и тем паче
приближают март, апрель и май,
возвращения в родные дали.
завтра начинается зима —
мы ее три года ожидали...

декабрь русский — долгие снега,
мороз трескучий, непогодь земная,
солдат его не любит, что врага,
и словом злым дней тридцать поминает,
на тридцать первый, стынь перебродив,
морочины, излучины, курганы,
он смотрит вверх, и щелкают в груди
не то хрящи, не то сквозные раны,
но боли нет, и свет — багровый диск —
сияет сквозь пробитые покровы,
был человек — остался обелиск,
над ним ночных бенгальских сотня искр
взвилась, что над бойцом венец терновый...

Матерям бойцов СВО посвящается...

Сохрани и спаси, отслужи
материнский молебен
И портреты мои не зарамливай ты
до поры,
Приготовься встречать меня солью
и подовым хлебом,
Испеченным руками подвыросшей
младшей сестры.

Слишком долог январь — очаговостью
сбитая с толку,
Ты считаешь не дни — они слишком
для счета длинны,
Разряжая в слезах новогоднюю
пышную елку,
Не грусти обо мне — мы отпразднуем
после войны

День рождения мой, Рождество
и Великую Пасху,
Ты накроешь на стол, соберешь
дорогую родню,

Я еще буду молод, но выдаст
предательски паспорт
Мои тридцать с большим —
и большое я не изменю.

Расскажу о друзьях, о хорошем —
иного не стану,
Вечереющий хутор затянет
застольную песнь,
Сохрани и спаси, я вернусь
и навеки останусь
Тем, которого ждали, любили
и помнили здесь...

облака замешаны в опару
 декабрем — мучник он изобычный,
 то ли дело я, ему не пара,
 не чета, москвичка из москвичек,
 не до сна и не до заготовок,
 жизнь одна, завещана иному —
 высшей педагогике да слову —
 русскому, великому, живому,
 объясняю, складываю, трачу
 и пускаю по ветру, пока ты
 день встречаешь новый наудачу,
 как и все обычные солдаты,
 ловишь в боевую рукавицу
 снег, считаешь дробные прилеты,
 и меня, далекую сестрицу,
 иногда читаешь отчего-то,
 отчего, не знаю, видно, нужно
 собирать чужие мысли в кучу,
 то как снег, сверкающий, воздушный,
 то как вещмешок — на всякий случай,
 или так, на память человечью,
 ни резона кроме, хватит этих,
 я пишу, и ты читаешь вечером
 строки, выпадающие в ленте...